

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.1.3>

UDC 141
LBC 87.6

WHAT IS SOCIETY'S NOMINATIVE LANGUAGE? PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SOCIAL THEORY OF E. ROSENSTOK-HUESSY

Andrej I. Makarov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Ilya S. Seleznev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article presents an analysis of the social aspect of language based on the methodological ideas of E. Rosenstock-Huessy. The approach of the sophist to the analysis of social phenomena is based on the idea of an inextricable connection between the processes of thinking, speech, and communication, which are founded in language. Language is considered by the philosopher not only as a semantic structure, but also as a force that changes people and society. Such a speech approach to the analysis of society outlines some possible ways out of the social crisis in which modern European culture finds itself. Rosenstock-Huessy understands the power of language from a dialogical point of view as the power of speech, capable of establishing long-term and free relations between people. Embedded in the process of dialogical thought of the twentieth century, the philosophy of Rosenstock-Huessy seeks to overcome the language of Modern science, which reduced the human personality to an impersonal subject of knowledge. Criticizing the entire Western philosophical tradition for its monologue and striving for "pure" knowledge, Rosenstock-Huessy sees the goal of thinking in dialogic speech, transforming both the speaker and the listener. Rosenstock-Huessy introduces the original concept of the name into philosophical circulation. The name in his social theory is an intermediary between language and society, providing the processes of normal social communication. In this regard, the authors of the article consider it useful for social philosophy and sociology to introduce the concept of "nominative social practices": this concept makes it possible to clarify the role of imperative speech in the processes of socialization. As a result of studying the social philosophy of the thinker, the authors propose the concept of "nominative language" as a system of social names and nominative practices. The relevance of addressing the nominative language of society is determined, according to the authors, by its social problems, in particular, by the dysfunction of names in modern society.

Key words: social philosophy, nominative language, nominative practices, name, dialogism, language power.

УДК 141
ББК 87.6

ЧТО ТАКОЕ НОМИНАТИВНЫЙ ЯЗЫК ОБЩЕСТВА? ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ О. РОЗЕНШТОКА-ХЮССИ

Андрей Иванович Макаров

Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Российская Федерация

Илья Сергеевич Селезнев

Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ социального аспекта языка на основе методологических идей О. Розенштока-Хюсси. Подход мыслителя к анализу социальных феноменов базируется на идее неразрывной

связи между процессами мышления, речи и коммуникации, которые фундированы в языке. Последний рассматривается философом не только как смысловая структура, но и как сила, изменяющая человека и социум. Такой речевой подход к анализу общества намечает некоторые возможные пути выхода из того кризиса социального, в котором пребывает современная европейская культура. Власть языка Розеншток-Хюсси понимает с диалогических позиций как власть речи, способной устанавливать длительные и свободные отношения между людьми. Будучи встроенной в процесс диалогической мысли XX в., философия Розенштока-Хюсси стремится преодолеть язык науки Нового времени, редуцировавшей человеческую личность к обезличенному субъекту познания. Критикуя всю западную философскую традицию за ее моноличность и стремление к «чистому» знанию, Розеншток-Хюсси видит цель мышления в диалогической речи, преобразующей и говорящего, и слушающего. Розеншток-Хюсси вводит в философский оборот оригинальную концепцию имени. Последнее в его социальной теории является посредником между языком и обществом, обеспечивающим процессы нормальной социальной коммуникации. В связи с этим авторы статьи считают полезным для социальной философии и социологии введение понятия «номинативные социальные практики»: это понятие позволяет уточнить роль императивной речи в процессах социализации. В результате исследования социальной философии мыслителя авторы предлагают концепт «номинативного языка» как системы социальных имен и номинативных практик. Актуальность обращения к номинативному языку общества обуславливается, согласно авторам, его социальной проблематичностью, в частности, дисфункцией имен в современном обществе.

Ключевые слова: социальная философия, номинативный язык, номинативные практики, имя, диалогизм, власть языка.

После кантианского переворота в философии европейские мыслители пустились в увлекательнейшее интеллектуальное приключение, начали охоту за референтом «чистого разума», детерминирующим процессы конструирования индивидуальных и коллективных миров. Одним из таких референтов выступил язык. Философия языка, на наш взгляд, – самое значительное явление интеллектуальной мысли XX века. С выходом «Логико-философского трактата» Людвига Витгенштейна в 1921 г. и работ Мартина Хайдеггера и структуралистов, написанных во второй половине столетия, начался так называемый «лингвистический поворот».

С точки зрения Мартина Хайдеггера, именно язык делает человека причастным к бытию, выступая своеобразным полем, на котором потенция бытия получает возможность присутствовать в актуально сущем. Язык – онтологический посредник между бытием и сущим в потоке истории. При этом уже с выходом эссе Ролана Барта 1967 г. с красноречивым названием «Смерть автора» манифестировался отказ структуралистов от признания за субъективными аспектами речевых актов статуса фундаментальности. Этим статусом они наделяли *структуры*, что стало основным тезисом семиотического подхода. Язык как система знаков и означаемых был объявлен сознанием и реальностью, а

речь субъекта отходит на периферию исследовательского интереса.

Не умаляя значимости вклада этих авторов в философию языка, мы с сожалением должны констатировать, что язык начал рассматриваться ими в отрыве от носителя языка, который говорит, артикулирует, произносит речи. Между тем язык – это не только семиотическая структура, организовывающая порядок означающих и означаемых; не только «дом бытия», в котором бытие находит условие присутствия в сущем, но и механизм, конституирующий общество [Вежбицкая 2001]. На наш взгляд, семиотический и онтологический подходы отодвинули в тень важнейший аспект функционирования языка – социальный.

Этот аспект поставил во главу угла своего «речевого метода» немецко-американский мыслитель Ойген Розеншток-Хюсси, который именно этим нам и интересен. С его точки зрения, язык, обладая политической силой, конструирует общество и формирует сознание индивида. Человек – это говорящий и слушающий субъект. Он слушает и собственную речь тоже – это важный тезис в свете того факта, что со времен Фердинанда Де Соссюра это не замечается в научном лингвистическом дискурсе. Ойген Розеншток-Хюсси – представитель философии диалога. Это имя до сих пор несправедливо остается в тени

М. Бубера, М. Бахтина. Этот мыслитель разработал «речевой подход», основная идея которого заключается в том, что речь – это индивидуальные личностные акты взаимодействия с языковыми структурами, и этот синтез индивидуального и общего, речи и языка является онтологическим аспектом реальности бытия человека. Речь, погруженная в язык, тождественна мышлению и творческому акту, в результате которого создается история, а значит, мир. Язык является «домом бытия», и его рассмотрение в качестве лишь средства коммуникации ничего не сообщает о том, какое воздействие сам язык оказывает на адресанта и адресата речи, а значит, тема влияния языка на сознание и социальное поведение его носителей оказывается не разработана.

Каким образом язык через речевые практики устанавливает исторически длительные социальные связи или их прерывает? Есть ли связь между социальными катаклизмами, такими как война, революция или внутренняя дезинтеграция общества, и состоянием языка, на котором говорит и слушает мир общество? Существует ли власть языка отдельно от его носителей и, если существует, в чем это выражается? Таковы вопросы, из которых вырастает философский подход Розенштока-Хюсси, который мы предлагаем обозначить как социологический, вслед за названием программной работы автора [Rosenstock-Huessy 1930].

В одной из своих работ, исследуя функционирование языка в архаическом обществе, Розеншток-Хюсси пишет: «Язык именовал предметы природы, он именовал историческую роль людей и вещей» [Розеншток-Хюсси 2000, 142]. Он считает, что язык не является средством фиксации и отражения внешней реальности, как это утверждается при естественнонаучном подходе. В парадигме науки Нового времени, как описал ее Мишель Фуко [Фуко 1994], язык выступает инструментом мышления субъекта познания для энциклопедического описания природы, которая наделяется статусом объекта научного познания. В такой разметке устанавливается иерархия между говорящим субъектом и языком, в которой субъекту отводится главенствующая роль. Как показал Мартин Хайдеггер, само понятие субъекта познания полагает

представление о нем как об источнике бытия внешней реальности, которая актуализируется как существующая лишь в акте познания (*cogito*) субъекта. Иными словами, естественнонаучный подход к языку исходит из того, что субъект формирует язык, на котором говорит [Хайдеггер 1993].

С точки зрения Розенштока-Хюсси, дело обстоит ровно наоборот – язык является той силой и структурой, что формирует сознание человека. Розеншток-Хюсси указывает, что в естественнонаучной парадигме упускается из виду тот факт, что человек выступает по отношению к языку не только в качестве говорящего субъекта, но и «проекта», то есть слушающего обращенную к нему речь. В самом деле, социальный статус не только позволяет человеку говорить от его имени, но и предъявляет его носителю требования, формирует его самого. Если рассматривать язык через призму социального взаимодействия, становится очевидным, что слова, обозначающие социальные роли индивидов и групп, обладают не только семантикой, но и энергией императивности. В качестве имен, транслирующих императивы своим носителям, язык и является тем, что «именует историческую роль людей и вещей», а также позволяет исследовать, вычислять и организовывать силы вселенной [Розеншток-Хюсси 2002, 159].

Почему Розеншток-Хюсси наделяет язык субъектностью, говоря, что «он именует историческую роль людей» [Розеншток-Хюсси 2000, 142]? Разве же не властный субъект, наделенный властью, именует историческую роль людей и вещей посредством языка? Здесь для прояснения позиции Розенштока-Хюсси будет уместно привести в пример размышления автора над случаем, который он описывает в одной из своих работ: «Английский художник, посетивший Новую Зеландию, нарисовал много портретов туземцев, и среди них был один портрет старого вождя, лицо которого было покрыто спиралевидной татуировкой, что было типично для его положения. Художник показал свою картину модели и ожидал горячего одобрения. Старик посмотрел на портрет, а затем отверг его со словами: “Это не то, что я собой представляю”. Тогда художник попросил вождя, чтобы тот сам нарисовал свой портрет. Когда

вождь вручил белому человеку рисунок со словами: “Вот что я собой представляю”, тот увидел не что иное, как татуировку вождя, которая указывала на его положение в племени. Нет никакого смысла смеяться над иллюзией вождя, поскольку это не иллюзия, а основной закон его клана. Лишь он позволяет вождю быть вождем и вести себя соответствующим образом» [Розеншток-Хюсси 2000, 127].

Всякий индивид или группа, наделенные властью, сами находятся во власти своего имени, обеспечивающем их причастность к обществу. Безусловно, это имя дается другим властным субъектом, однако оно является условием власти, не наоборот. В этом смысле власть языка первична по отношению к человеческой власти. Именно социальный статус, зафиксированный в имени, наделяет его носителя властными полномочиями. Здесь прослеживается сближение идей Розенштока-Хюсси со структуралистским взглядом, согласно которому место в структуре и отношение с другими элементами определяет сущность элемента структуры.

Называя себя «темпоральным мыслителем», Розеншток-Хюсси рассматривает власть языка с точки зрения коммуникации, разворачивающейся как процесс во времени. Имя – это призыв, и в качестве посредника коммуникативного акта оно выполняет функцию управления его носителем. Имя сохраняет в себе след социальных отношений, которые имплицитно воздействуют на своего носителя. В связи с этим именно язык, а не ситуационно звучащая речь обеспечивает устойчивую включенность индивида в социальное пространство и время.

В своем труде о формальном и неформальном типе языка «Человеческий тип как форма для чеканки, или повседневные истоки языка» Розеншток-Хюсси замечает: «Язык человека направлен на то, чего не домогаются обезьяны или соловьи: он стремится к превращению слушающего в такое существо, которого не было до того, как к нему обратились» [Розеншток-Хюсси 2000, 93].

Розеншток-Хюсси утверждает здесь, что язык является не только средством общения. Согласно теории Розенштока-Хюсси, язык и социальная коммуникация обладают

ярко выраженным гетерогенным характером. Специфика последней детерминирована не только экстралингвистическими обстоятельствами, но и режимом языка, в котором протекает коммуникация. Розеншток-Хюсси выделяет четыре таких режима: рациональный, эмоциональный, ритуальный и политический [Розеншток-Хюсси 1994]. Язык рациональности направлен на описание внешнего пространства, грамматически этому модусу дискурса соответствует третье лицо подлежащего. Эмоциональный режим речи, напротив, отводит внешним обстоятельствам периферийное место, концентрируясь на субъективно-психологическом аспекте или, условно, на внутреннем пространстве говорящего. Политический модус функционирования языка призывает говорящих и слушающих изменить ситуацию волевым решением, осуществив прорыв в будущее – ярким примером такой речи является революционный дискурс. Наконец, ритуальная форма речи призвана воспроизвести традиционные формы социальных отношений и направлена, таким образом, в прошлое.

Каково основание деления модусов языка на четыре этих типа? Согласно Розенштоку-Хюсси, в основе любого высказывания лежит императив, обращенный к его адресату. Разумеется, не любое высказывание является императивом грамматически, то есть эксплицитно транслирует призыв к действию, но основополагающий тезис социальной философии Розенштока-Хюсси состоит в том, что всякая речь имплицитно содержит *социальный императив*: «Язык – это, в первую очередь, отдавание приказа. Если родители пренебрегают тем, чтобы отдавать приказание своему ребенку, семья перестает быть семьей. Она превращается в совокупность мало связанных друг с другом индивидов. Все приказание – это суждения, из которых и составляется приказание. Абстрактное использование слова “приказание” заставило нас забыть, что “закон” и “порядок” образуют сумму всех императивов и предписаний, которые упорядочивают длительные промежутки времени» [Розеншток-Хюсси 2000, 102]. Тот, кто произносит внутри социального контекста «дважды два равно четыре», призывает собеседника к рациональности; тот, кто говорит слова «милая, я люблю тебя», рассчитывает

на ответную эмоциональную реакцию; слова «землю – крестьянам!» направлены на реализацию потенциального будущего, а еженедельная молитва в церкви на Божественной литургии воспроизводит многовековую традицию. Наука, искусство, политика и религия – четыре социальные сферы, производящие и воспроизводящие четыре модуса функционирования языка в обществе, направленные на внутреннее и внешнее пространства, будущее и прошедшее времена.

Это основополагающее в философии диалогизма положение об императивности языка сегодня, в эпоху релятивизма и индифферентизма, выглядит скандальным и пугающим, – мы вполне отдаем себе в этом отчет. При этом именно эти обстоятельства и делают крайне актуальной концепцию социального акта Розенштока-Хюсси. С ее помощью мы приходим к очень важному различению в типах отношения между человеком и действительностью, языковой действительностью.

Во-первых, человек выступает по отношению к языку как субъект речи, но, во-вторых, и как проект в качестве слушающего обращенную к нему речь. Тогда становится понятно, почему, с точки зрения философа, с помощью языка слушающий превращается в «такое существо, которого не было до того, как к нему обратились» [Розеншток-Хюсси 2000, 93].

То, что сознание и поведение человека формируется в процессе социального взаимодействия, является достаточно очевидным фактом. Интереснее то, с чем в языке коррелирует сознание и поведение человека как социальной единицы? Это имя, с которым соотносит себя индивид или группа; оно выступает тем условием, которое делает возможным императив, обращенный к адресату.

Но имя – это не то, чем индивид обладает естественным образом, оно присваивается в социальных практиках. Известно, что дети трехлетнего возраста склонны говорить о себе в третьем лице более, чем в первом. О чем свидетельствует этот факт? В раннем возрасте ребенок произносит свое имя от лица окружающих, подражая им для того, чтобы впоследствии научиться говорить «я». В семейных коммуникативных практиках происходит присвоение первого имени, и это стано-

вится возможным благодаря высокой миметической активности ребенка. Но для того, чтобы имя было присвоено, индивид должен стать сначала «проектом» речи другого, то есть быть назван другим по имени. В этом смысле младенец является проектом по отношению к своему имени, так как он еще не соответствует ему и не способен говорить и действовать от этого имени. В связи с этим в процессе формирования самосознания существует промежуточная стадия между *проектом* и *субъектом* речи, когда ребенок произносит свое имя, но от третьего лица. Таким образом, наша гипотеза заключается в том, что формирование идентичности индивида детерминировано номинативной практикой присвоения имени или имен (если это множественная идентичность).

С точки зрения Розенштока-Хюсси, социальный статус является частным случаем имени: «Чем отличается врач от знахаря, если не служебным именем “врач”, подчиняющим его богу исцеления?» [Розеншток-Хюсси 1997, 165]. В этом смысле ритуалы бракосочетания, выдачи дипломов и присвоения научных степеней, постриг в монахи или инаугурация президента выполняют функцию присвоения имени. До сих пор кульминационным моментом ритуала бракосочетания является торжественное объявление брачующихся «мужем» и «женой». Муж и Жена являются именами! Имя – это такой концепт, с которым соотносит себя его носитель и выступает по отношению к нему двояким образом: как субъект своей речи от этого имени и как проект чужой речи, обращенной к нему. По мнению религиозного мыслителя Розенштока-Хюсси, то, что Жених и Невеста обновляют свои статусы в церкви в обязательном присутствии свидетелей, говорит о том, что одним из свидетелей является сам Бог. Бог-Логос, согласно философии Розенштока-Хюсси, есть сила, побуждающая *говорить*, то есть именовать и именоваться одновременно. В статье «Коперниканский переворот в грамматике» читаем: «Явления ждут моего спасающего слова. На квадранте приказаний я сам убегаю от всех мнимых требований: я жду спасающего слова» [Розеншток-Хюсси 1997, 110]. Имена принципиально диалогичны. Эта специфика имени становится очевидной при сравнении его с

кличками, которые носят животные. Различие состоит в том, что кличка не является тем, от чего можно говорить или действовать, то есть быть субъектом. Кличка приспособлена только для проектного отношения в качестве того, к кому обращаются.

Социальные статусы «муж» и «жена» не только маркируют положение в обществе, но и предоставляют их носителям то, что Пьер Бурдьё называет «символический капитал» [Бурдьё 2005]. В рамках социологического подхода к языку Розенштока-Хюсси данный термин может быть трактован в том смысле, что социальный статус в качестве имени предоставляет своему носителю «коммуникативный ресурс», то есть возможность осуществлять социальное взаимодействие посредством этого имени. В самом деле, обращение к человеку как к «мужу» или к «жене», равно как и речь от этих имен, отличается от общения с «Иваном» или «Марией». Именно язык делает возможной гетерогенность социального мира.

Социальные практики, как формализованные ритуальные, так и неформальные коммуникативные, в которых осуществляется присвоение имени, мы предлагаем называть номинативными социальными практиками. Проходя через номинативные практики, человек обретает специфически социальное бытие посредством идентификации с именем, обладающим символическим капиталом и уже включенным в социальную матрицу. Таким образом, имя в его коммуникативном измерении выступает важнейшим фактором социализации. Как осуществляются номинативные практики присвоения имени?

В главе под названием «Грамматика и ритуал» Розеншток-Хюсси устанавливает взаимосвязь между порядком проведения священных ритуалов и своей концепцией четырех родов коммуникативной грамматики [Розеншток-Хюсси 2000, 143]. Автор обозначает эти четыре рода в соответствии с основными местоимениями: «ты», «я», «мы», «оно». Грамматический род «ты» соответствует описанному выше политическому типу языка, предназначенного для проектного модуса коммуникации. Родом «я» обозначается субъектный режим языка, следующий, согласно Розенштоку-Хюсси, после проектного режима, как ответная реакция на призыв. Грамматический

род «мы» соответствует ритуальной речи, для которой индивидуальность говорящих не имеет решающего значения. Наконец, модус языка «оно» – это речь об отвлеченном предмете, выступающем внешним элементом по отношению к говорящим и слушающим. С точки зрения Розенштока-Хюсси, эти четыре грамматических рода отражают порядок проведения священного ритуала – от ритуальных форм архаических племен до христианского богослужения. Первым этапом становится обращение проводящего ритуал – шамана или священника – к его участникам с целью призыва последних к слушанию. Как правило, участники ритуала выражают свою позицию слушающих через ритуальный жест преклонения или вставания на колени. Эти действия маркируют их проектный модус участия в ритуале, устанавливая через положение тела иерархию между говорящим и слушающими. На втором этапе слушающие отвечают на изначальный призыв, входя в субъектный режим (в Божественной литургии святителя Иоанна Златоуста это выражается в пении хором «аминь» в начале церковной службы). Только после этого разворачивается основная часть ритуального действия, в ходе которого повествуется, по выражению Розенштока-Хюсси, о «великом имени» [Розеншток-Хюсси 2000, 144]. Эта часть протекает в грамматическом роде «мы», так как объединяет как проводящих ритуал, так и его участников перед лицом образца, культурного героя. В Божественной литургии начало этого этапа знаменуется чтением Евангелия, а его кульминацией является обряд евхаристии, разворачивающиеся для участников ритуала имя Иисуса Христа. Наконец, по завершении священной части ритуала его участники возвращаются в мир повседневности, которой соответствует режим языка «оно». С точки зрения Розенштока-Хюсси, порядок повседневности определяется той структурой социальных отношений, которая была выработана в ритуале. Каким образом структура социальных отношений экстраполируется из ритуального действия на повседневную жизнь общества?

На наш взгляд, это становится возможным благодаря номинативным практикам присвоения имен в ходе ритуальных действий. В самом деле, имя, данное в ходе ритуала и

оставшееся с его носителем в дальнейшем, содержит в свернутом виде матрицу социальных отношений, произведенную или воспроизведенную в ритуале. Имена, дающиеся в ритуализированных номинативных практиках, отличаются от тех имен, что даются при рождении. «Профессор» или «священник» – это имена, условием существования которых является наличие парного имени другого – студента или прихожанина. Значит, тот, кто обращается к другому как к «отцу» или к «учителю» объективно исходит из своей причастности к социальному целому, так как к отцу в коммуникативном акте может обращаться только сын или дочь, а к учителю – ученик. Такие имена могут быть обозначены как социальные, в отличие от индивидуальных, дающихся при рождении. Если индивидуальные имена отсылают лишь к их носителю – индивиду, социальные имена отсылают не только эксплицитно к его носителю, но и имплицитно к социальной матрице, частью которой является носитель имени.

Говоря и действуя от социального имени, индивид из физиологического и психологического существа превращается в социального субъекта. Последний отличается от естественного индивида тем, что вступает в длительные социальные отношения, то есть такие связи с другими социальными субъектами, которые основываются не на физиологических или психологических процессах, а на выработанных культурой социальных формах взаимодействия. Розеншток-Хюсси пишет: «выходя из повседневности – будь это еда, питье, сон или зачатие, – мы превращаемся из обжор в сотрапезников, а из участников случки – в супругов» [Розеншток-Хюсси 2000, 187]. Социальное происхождение имени является условием и маркером специфически социального события, из которых только и складывается история коллектива. При этом социальные процессы современной эпохи «индивидуализированного общества» носят зачастую доисторический характер: индивид остается по преимуществу физиологическим и психологическим существом, не приобщенным полноценно к социальному пространству и времени [Бауман 2005]. Общество лишается событий. История сужается до индивидуальных нарративов, неких инстаграмных «сто-

риз» или медийных «лавсториз». Зигмунт Бауман описывает этот процесс так: «“Общественное” колонизируется “частным”; “публичный интерес” деградирует до любопытства к частной жизни “общественных деятелей”, сводя искусство жить в обществе к копанью в чужом белье и публичным излияниям частных эмоций (чем более интимных, тем лучше). “Общественные проблемы”, которые не могут быть подвергнуты подобной редукции, и вовсе перестают быть понятными» [Бауман 2005, 257].

На уровне языка этот процесс отражается в вырождении социального имени в его стертые, частичные формы. Можно выделить два таких продукта вырождения социального имени – кличку и псевдоним. Кличкой мы предлагаем обозначать стертую форму имени, которым называют носителя окружающие, но которым он не называет самого себя. Псевдонимом, с точки зрения анализа языка в социальной коммуникации, может быть обозначен такой концепт, с которым соотносит себя в качестве имени его носитель, но окружающие не признают этот псевдоним в качестве имени. Это следует из генезиса этих феноменов: кличка может возникнуть только как результат внешнего именованья, а псевдоним берет сам его носитель.

Учитель, который признает себя учителем, но которого не признают в качестве такового ученики, не обладает социальным именем, но лишь псевдонимом. Так, социальный статус «учитель» не становится социальным именем потому, что не реализуется в процессе социальной коммуникации. Социальный статус, будучи легитимным *de jure*, не осуществляет свою социальную функцию *de facto*, если не участвует в социальной деятельности в качестве имени, признанного самим носителем и теми, с кем взаимодействует носитель статуса. В самом деле, если ученики не признают статус учителя истории за его носителем, они не признают и себя в качестве учеников на уроке истории. Социальное имя не производится в такой коммуникации, и, как следствие, не производится *de facto* и социальное событие – в данном случае образовательный процесс. Диалогическую природу феномена события подсказывает в русском языке и само слово, обозначающее его, где

семантика приставки «со» очевидным образом отсылает к идее совместности. При этом индивид, являющийся учеником лишь *de jure* и не признающий себя таковым *de facto*, то есть не использующий свой социальный статус в качестве социального имени в процессе коммуникации, вряд ли может стать участником социального события по той причине, что он не является социальным субъектом. Критерием субъекта является осознанность. Условием осознанного социального поведения от имени своего статуса является принятие последнего в качестве своего социального имени в процессе коммуникации. Индивидуализированное общество характеризуется как раз тем, что его представители склонны действовать от своих индивидуальных имен, то есть руководствоваться в своем социальном поведении преимущественно индивидуальными мотивами.

Дисфункция социальных имен – это проблема, имеющая два измерения. С одной стороны, для общества – это опасность рыхлости социальных процессов, возникающей при усилении тенденции индивидуализации и характеризующейся непредсказуемостью изменений социальной реальности. Бауман сравнивает такой режим существования общества с изменениями погоды: индивид получает возможность лишь созерцать социальные процессы, подобно смене времен года и погодных условий, но не принимать в них реального участия. С другой стороны, для индивида, имеющего цель социализации, обретение социального имени является также необходимым условием в этом деле.

Каковы условия функционирования социального имени? Первым важным обстоятельством здесь является признание. Рассмотрим это на примере учебного процесса. Для того чтобы учитель действовал от своего социального имени, индивиду – носителю этого имени – необходимо не только признать себя учителем, но и группу людей, находящихся в учебной аудитории, – учениками. Если индивид признает себя учителем, но не признает аудиторию учениками, он либо допускает ошибку в самоидентификации (так как условием деятельности учителя является участие в этой деятельности учеников), либо объектом его признания выступает «учитель» не в качестве

социального имени, а в качестве лишь социального статуса *de jure*. И наоборот – если аудитория не признает статус учителя легитимным по отношению к ним, как к ученикам, здесь и сейчас, она лишается возможности участвовать в образовательном процессе в качестве обучающихся. Таким образом, социальное имя требует двойного признания: другого – носителя парного имени – и себя в роли участника того или иного общественного процесса. Причем признание другого является здесь условием признания себя, и наоборот. Лишь после взаимного признания может реализоваться еще одно условие функционирования социального имени – социальное поведение. Признав себя и друг друга в качестве участников одного и того же общественного процесса, например, урока, семинара или лекции, индивиды получают возможность реализовывать совместную деятельность, складывающуюся из социального поведения членов группы. Таким образом, признание другого, признание себя и социальное поведение являются тремя условиями и одновременно тремя аспектами функционирования социальных имен.

При этом в качестве проблематизации изложенных идей может быть предложена иная модель функционирования социального имени «учитель». Следуя требованиям организации, в которой он работает, педагог выполняет учебный план и отчитывается о его выполнении перед начальством. Также его социальный статус позволяет ему вступать в коммуникацию с коллегами, в которой, таким образом, статус реализовывается как имя, то есть выступает основанием социального взаимодействия. Такой индивид не может полностью ограничиться признанием лишь социального статуса «учитель» без признания учеников, однако его статус может реализовываться преимущественно в коммуникации с коллегами и быть минимизирован в учебной аудитории. По крайней мере, нет необходимости в признании учениками статуса учителя для признания последнего коллегами. Таким образом, социальное имя «учитель» функционирует в коммуникации «учитель – учитель», а не во взаимодействии «учитель – ученик». Корректно ли считать, что в описанном случае социальное имя также полноценно реали-

зуется? Нет, так как это пример того, как реализуется социальный статус, но не имя в его социальном деятельностном аспекте. Действительно, социальный статус *de jure* становится основанием для вступления в профессиональную коммуникацию между коллегами, однако такая коммуникация не является полем реализации деятельностного потенциала имени «учитель», состоящем в осуществлении образовательного процесса в отношениях «учитель – ученик».

В результате функционирования социальных имен производится то, что мы предлагаем концептуализировать как социальный топос. Последним, по аналогии с логическим топосом Аристотеля, можно считать участок такого взаимодействия между индивидами, которое осуществляется в общем для них социальном пространстве и времени, возникшем в результате коммуникации носителей социальных имен. При этом производство и воспроизводство социальных топосов является нетривиальной задачей в условиях эпохи индивидуализированного общества.

Резюмируя, можно сказать, что социальная философия Розенштока-Хюсси предвосхитила зрелые формы так называемого «лингвистического поворота» философии XX века. Он предложил внятный социологический подход к интерпретации влияния языка на индивида и общество, в конструировании социальной структуры общества. Базовым тезисом данного подхода является утверждение о том, что язык императивен по своей природе: речь, производимая в ходе социальной коммуникации, направлена не только на передачу информации, но и на установление того или иного типа социальных взаимоотношений с адресатом. Иными словами, в основе всякой коммуникации, согласно Розенштоку-Хюсси, лежит призыв, обращенный участниками коммуникации друг к другу, который формирует их самих, – это номинативная функция языка. В этом смысле Розеншток-Хюсси говорит о тотальной власти языка над социальным пространством и временем по аналогии с «тотальным социальным фактом» М. Мосса.

Развивая предложенные Розенштоком-Хюсси идеи, мы выдвигаем гипотезу о том, что конструирование всех общественных отношений осуществляется в номинативных

практиках присвоения имени. Последнее трактуется в широком смысле как концепт, с которым соотносит свое «я» индивид и при помощи которого он участвует в социальных практиках в двух модусах: *субъектном* и *проектном*. Социальный статус – частный случай *имени*, так как посредством социального статуса его носитель является тем, к кому обращаются в соответствии со статусом и от имени которого он выступает в обществе. Различаются индивидуальное и социальное имена, дающиеся при рождении и в ходе социализации соответственно. Существенной частью социализации индивида являются номинативные практики, результатом которых становится присвоение социальных имен.

Социальное имя имеет три функции: во-первых, фиксировать социальный модус межлических отношений с целью увеличения их продолжительности, во-вторых, служить посредником между индивидом и социальным универсумом с тем, чтобы обеспечивать устойчивую включенность индивидов в социальное целое и, в-третьих, транслировать социальный порядок во времени многих поколений для сохранения самостоительности общества.

Система социальных имен, формирующая социальную коммуникацию и являющаяся одновременно ее ресурсом для воспроизводства структуры социальных отношений, – это и есть некий «номинативный язык общества» – структуры, благодаря которым осуществляются практики присвоения имен. Последние же энергизируют своей императивностью социальные роли личности. Без такой энергии нет целостной личности, она распадается на ряд этих самых социальных ролей, которые приходится играть безличному индивиду «индивидуализированного общества», стремящегося в своем развитии к аномии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман 2005 – Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
 Бурдьё 2005 – Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2005.
 Вежбицкая 2001 – Вежбицкая А. Понимание культуры через средство ключевых слов. М.: Яз. слав. культуры, 2001.

- Розеншток-Хюсси 1994 – *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность. М.: Канон, 1994.
- Розеншток-Хюсси 1997 – *Розеншток-Хюсси О.* Бог заставляет нас говорить. М.: Канон, 1997.
- Розеншток-Хюсси 2000 – *Розеншток-Хюсси О.* Избранное: Язык рода человеческого. М.: Университетская книга, 2000.
- Розеншток-Хюсси 2002 – *Розеншток-Хюсси О.* Великие революции. Автобиография западного человека. М.: Канон, 2002.
- Фуко 1994 – *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
- Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм. Пять главных рубрик в мысли Ницше. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
- Rosenstock-Huussy 1930 – *Rosenstock-Huussy E.* Soziologie I. Die Kräfte der Gemeinschaft. Berlin: de Gruyter & Company, 1930.

REFERENCES

- Bauman Z., 2005. *The Individualized Society*. Moscow, Logos Publ.

- Bourdieu P., 2005. *Sociology of Social Space*. Saint Petersburg, Aleteya Publ.
- Wierzbicka A., 2001. *Understanding Cultures Through Keywords*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ.
- Rosenstock-Huussy E., 1994. *Speech and Reality*. Moscow, Kanon Publ.
- Rosenstock-Huussy E., 1997. *God Makes Us Speak*. Moscow, Kanon Publ.
- Rosenstock-Huussy E., 2000. *Selected: The Language of the Human Race*. Moscow, Universitetskaya kniga Publ.
- Rosenstock-Huussy E., 2002. *Great Revolutions. Autobiography of a Westerner*. Moscow, Kanon Publ.
- Foucault M., 1977. *Words and Things*. Moscow, A-cad Publ.
- Heidegger M., 1993. *European Nihilism. Five Main Headings in Nietzsche's Thought. Time and Being*. Moscow, Respublika Publ.
- Rosenstock-Huussy E., 1930. *Soziologie I. Die Kräfte der Gemeinschaft*. Berlin, de Gruyter & Company.

Information About the Authors

Andrej I. Makarov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, andre_mak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9056-3741>

Ilya S. Seleznev, Master Student (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Philosophy, Bioethics and Law, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation, seleznev-is@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1642-365X>

Информация об авторах

Андрей Иванович Макаров, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, andre_mak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9056-3741>

Илья Сергеевич Селезнев, магистр философии, старший преподаватель кафедры философии, биоэтики и права, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, seleznev-is@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1642-365X>